

ОТ ЭЙДЖИЗМА В ЯЗЫКЕ К ГЕРОФОНТОБИИ В ТЕКСТЕ: О ЖАНРАХ НЕНАВИСТИ в СЕТИ

Э.Р.Лассан

Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Парадокс современной цивилизации состоит в том, что при все более стареющем обществе усиливается отторжение этой части общества от последующих поколений, происходит стигматизация пожилого населения в силу того, что способы получения знаний становятся все более революционными, и люди старшего возраста уже не обладают опытом, ценным для их детей. В статье показан заложенный изначально в русском языке эйджизм (мы говорим о «внутреннем эйджизме» - обидных наименованиях, демонстрирующих ущербность старых людей). При этом, если опираться на синонимические ряды с доминантами слов *старуха/старик*, можно сделать вывод о сексизме – большей неприязни к лицам женского пола: в синонимическом ряду со словом старуха практически отсутствуют наименования с положительной коннотацией, в то время, как в ряду старик таких имен больше. Языковой эйджизм поддерживается литературными текстами – отрицательными высказываниями в адрес пожилых людей. Эпоха Сети еще ярче демонстрирует (причем на разных языках) как неприязнь к старикам, переходящую в ненависть, так и имеющую характер фобии боязнь собственного старения – геронтофобию. Интенсификация негативного чувства по отношению к старости, по мнению автора, вписывается в усиление общей атмосферы ненависти в обществе, где в качестве терапевтических средств создаются сайты «выплесни свою ненависть». Автор полагает, что можно говорить о складывающихся в Сети жанрах ненависти.

Ключевые слова: эйджизм, геронтофобия, сексизм, социологические теории старения, ненависть.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора, хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии

Контактная информация: Почтовый адрес: LT-01513, Литва, Вильнюс, ул. Университетская, 3 E-mail: eleonora-lassan@yandex.com

*Хорошо - быть молодым,
За любовь к себе сражаться,
Перед зеркалом седым
Независимо держаться...*

(Юнна Мориц)

О том, как тяжело стареть, написано многое – в том числе и известными социологами, предлагающими различные концепции старения в связи с демографическим состоянием современного общества, где увеличивается количество стариков, воспроизводящих культурные образцы прошлого и вместе с тем происходит стремительная эволюция знаний и способов их приобретения. В доминирующей сегодня городской среде приоритет отдается знаниям, силе, ловкости, находчивости - достоинствам молодости. В связи с таким раскладом общественных сил, западные социологи заговорили о "возрастной сегрегации", то есть о резком разделении общества на противостоящие возрастные группы и

превращении пожилых членов общества в "социальных изгоев" [Альперович 1998: 34-35].

Тяжесть старости определяется не только одиночеством, нездоровьем, ухудшением материальных возможностей, но и тем, как конструируется «возраст дожития» (в английском варианте: «возраст взросления»!) в массовом сознании. Социологические теории старения, начало появления которых принято относить к началу 60-х годов прошлого века и связывать с именами Кэминга и Генри [Cumming, Henry 1961], весьма сурово относились к людям пожилого возраста, утверждая в качестве объективного положения вещей их отъединение от общества (теория разобщения) [Козлов 1999: URL: <https://studfiles.net/preview/1864296/page:3/>]. Связанные с ней другие теории мы бы, вслед за А.П. Демидовым обобщили в концепцию социальной девиации и неадекватной коннотации старости: «старость представляется в виде девиантного феномена социального бытия, для которого характерным является отклонение от нормального типологического проявления жизнедеятельности человека. То есть в социальной деятельности личности проявляются качества жизни старого человека, обусловленные отклонением от нормы личностного здоровья, которые формализуются в **смысловых языковых выражениях** (выд.нами) путем темпоральной коннотации, некой ущербности старых людей. Бытие старого человека определяется в виде девиантного. [Демидов 2005: URL: <http://cheloveknauka.com/starost-kak-sotsialno-filosofskiy-fenomen#ixzz5c6bdIVzf>]. Очевидно, именно эта концепция старения доминирует в постсоветском обществе, о чем свидетельствуют и высказывания психологов: «В нашем социальном дискурсе люди старшего возраста как-то незаметно получили стигматизацию людей обделенных, тех, о ком нужно заботиться, которые должны быть приравнены к детям» [URL: <https://postnauka.ru/talks/32753>]. Старость и старение как общественные феномены, особенно в обществе, где демографически ситуация меняется в сторону увеличения численности пожилых людей, стала объектом достаточно пристального внимания социальной геронтологии, объединяющей усилия психологов, биологов, философов, объединенных беспокойством о росте неприязни к представителям старшей возрастной группы общества (на сайте, где народ высказывается за или против “нормальности” того или иного поведения, **ненавидеть стариков посчитали нормальным 86% ответивших**).¹

Мне представляется, что названная проблема до сих пор не нашла достаточного освещения в работах лингвистов – на лингво-когнитивном уровне показать реализацию названного положения вещей и степень неприязни к старым людям на уровне дискурсивных практик. В данной статье автор хотел бы обратить внимание на явление 3 уровней – 1) языковые номинации пожилых людей; 2) фреймы старости; 3) дискурс эйджизма, который, как будет показано ниже, переплетается с дискурсом сексизма. Термин эйджизм ввел американский психолог Батлер. Он определил эйджизм как «процесс систематической

¹См: URL: <https://khvostik.wordpress.com/2016/06/25/disgust-to-elderly/>

стереотипизации и дискриминации людей по причине их старости так же, как расизм и сексизм по причине их цвета кожи и пола» [Butler 1969: 243-246]. Одна из концепций старости, связанных с теорией отчуждения, именуется в научной литературе «теорией наименования и маргинализации». Автору не удалось найти истоки этой теории, однако приведенное выше высказывание В.П.Демидова о формализации негативного отношения к старости в рамках языковых выражений, позволяет нам обратиться к именованию старых людей в русском языке. С таким анализом коррелирует понятие **внутреннего эйджизма**, включающего наряду с обидными межперсональными действиями и унижающие именованья [Краснова 2000:19, Старикова 2011:43-47].

Итак, обратимся к именованию людей, находящихся, по мнению говорящих, в возрасте старости.² Для женщин основным наименованием в словарях считается слово *старуха*, имеющая довольно большой синонимический ряд, различающийся по числу членов в разных словарях синонимов(мы приводим данные по: [Словарь синонимов2013]): *бабка, бабулька, бабуля, бабуня, бабуся, бабушка, божий одуванчик, гнездарка, грывза, карга, кочерга, натюрморт, пескоструйщица, развалина, руина, старая я ведьма, старая женщина, старая карга, старая кочерыжка, старая перечница, старая хрычовка, старица, старочка, старушница, старушечка, старушка, старушонка, старушоночка, хрычовка, яга* (32). В том же словаре для слова *старик* приводится 53 синонима – из этого количества слов к синонимическим некоторые можно отнести с известной натяжкой:

аред, бабай, борода, в годах, в почтенных годах, в преклонном возрасте, в преклонных годах, дед, дедка, дедок, дедуля, дедушка, друг, друг ситный, дружнице ерикан, кощей, леопёрд, лыжник, мухомор, пенсионер, пескоструйщик, песочные часы, приятель, развалина, руина, сенат, старая калоша, старая песочница, старец, старикан, старикашка, старина, старинушка, старичина, старичишка, старичок, старичонка, старичье, старпер, старче, старчище, старый старый гриб, старый песочник, старый хрен, старый хрыч, старье, хрен, хрыч, человек пожилой (52).

Обратим внимание на то, что первый синонимический ряд включает большинство слов с яркими негативными коннотациями (из 32 слов только 7 по нашим ощущениям, не имеют негативных коннотаций)³. Само слово *старуха*, которое подается как нейтральное, современным носителем языка все-таки воспринимается как выражающее некоторое негативное отношение к лицу, обозначенному этим именем. Так, Людмилу Прокофьевну из фильма

² Уточним, что считается возрастом старости на современном этапе геронтологической науки. По данным геронтологического конгресса 1977 г. Была принята следующая классификация возрастов: возраст до 45 – молодость; 46 - 59 лет - средний; 60 - 74 лет - пожилой; 75 - 89 лет - старческий; после 90 лет – долгожители.

«Служебный роман» сослуживцы именуют «мымрой» и старухой», хотя, безусловно, даже до перемен она выглядит не старше 50. – «Она не старуха!» - возмущенно отвергает это обозначение Новосельцев, проникнувшийся симпатией к способной плакать и чувствовать начальнице. ««Стала похожа на старуху»: пользователи сети негативно отреагировали на новый образ Юлии Барановской» (nashizvyozdy.ru). В этой характеристике известной телеведущей сказывается отрицательное отношение к виду пожилых людей, и сравнение с ними в обществе, построенном на культе молодости, является отрицательным. И.В. Салимьянова, анализируя лексико-семантическое поле «пожилой человек», приходит к выводу, что пожилой человек репрезентируется в языке как с внешней, так и внутренней стороны, при этом его характеристика тяготеет к отрицательной оценке [Салимьянова 2011: 116]. И.С. Блинова, анализируя концепт «старость» в русской и немецкой культурах делится достаточно впечатляющими наблюдениями, а именно: а) в русской лингвокультуре старость ассоциирована с соматической характеристикой человека (худоба, дряхлость, отсутствие зубов); б) в немецкой лингвокультуре старость ассоциирована с выходом на пенсию, очками и путешествием; в) русское сознание связывает старость с заботами, болезнями, смертью; г) немецкое сознание в качестве важного ассоциативного признака выделяет социальную защищенность старости (Блинова 2009: URL: <http://cheloveknauka.com/kontsept-starost-v-russkoy-i-nemetskoj-lingvokulturah>].

Выводы И. С. Блиновой коррелируют с приводимым выше синонимическим рядом, возглавляемым словом *старуха*. В этом ряду старость характеризуется как по внешнему виду, так и по достаточно неясному признаку, скорее, связанному с неприятием старческого поведения: 1) внешний вид, демонстрирующий телесную слабость: *божий одуванчик, развалина, руина, пескоструйщица, старая вешалка* (о старой некрасивой женщине), *старушонка*. В словарях приведенные слова снабжаются пометами *бранн., просторечное, ироническое*. Весьма интересно образование «пескоструйщица», очевидно, ведущее происхождение от выражения *из нее песок сыплется*⁴ (о старом дряхлом человеке). Слова и выражения *перечница; кочерга; яга; клюшка; карга; старая хрычовка; старая вешалка; старая кочерыжка хреновка; шаваняйка;; старухня; грывза; хрычовка*, в большинстве своем имеющие метафорическое происхождение, дают резко отрицательную характеристику лицу, причем признак, побуждающий говорящего характеризовать подобным образом пожилую женщину, остается неясным: «Старой перечнице пора о Боге о душе думать, а эта старая шаваняйка все суевериями живет, мало лохов разводят»⁵ – комментарий к небольшой статье об обманутой пенсионерке, ставшей жертвой мошенничества. Обращает на себя внимание звучащая в высказывании ненависть, не обоснованная контактом с обманутой женщиной, и, следовательно,

⁴ Это выражение имеет восходит к 16 веку и имеет весьма пикантное происхождение.

См. URL: pikabu.ru/story/otkuda_poyavilas...quotiz...pesok...

⁵ URL: <https://www.verstov.info/news/criminal/58665-ochen-dorogaya-porcha-v-magnitke-celitelnica-obobrala-pensionerku-do-nitki.html>

не мотивированная ее личными качествами, о которых говорящий знать не может. *Грымза* характеризует женщину по ворчливости, естественно, усиливающейся к старости; именование *кочерга* (обычно: *старая кочерга* - грубо о старой женщине), возможно, мотивировано внешним видом (человек сгибается к старости, однако употребляется это слово в текстах безотносительно к характеристике внешности: «Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь!» (Ал. П. Чехов). О 39-летней актрисе, родившей от 21-летнего мужа: «Позорная старая кочерга. Повелась на свою похоть».⁶ Как мы видим, стереотипом, существующим в русской культуре, является неприятие действий, входящих во фрейм «молодость», если они осуществляются лицами, не вписывающимися в этот фрейм.

В словах *старушоночка*, *старушечка*, *старушонка* запечатлено отношение к лицу как к слабому неполноценному существу: «Какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слёз». (Бунин). Первое слово в этом ряду характеризуется словарями как ласкательное, вместе с тем в нем явно ощущается смешанная с жалостью снисходительность: «Из нашей прежней няни благодаря времени получилась крохотная, сгорбленная старушоночка с предоброй рожицей и свистом в беззубом рту.» [Ал. П. Чехов). По отношению к мужчинам почтенного возраста язык также не слишком милосерден (напр., *развалина*, *руина*, *сенат*, *старая калоша*, *старая песочница*, *старикан*, *старикашка* *старичишка*, *старичонка*, *старичье*, *старпер старый*, *старый гриб*, *старый песочник*, *старый хрен*, *старый хрыч*, *старье*, *хрен*, *хрыч*). однако число слов, лишенных негативных коннотаций, составляет почти половину ряда (из 53-21). *Развалина*, *руина* метафорически характеризуют физическую слабость человека через уподобление его неодушевленному объекту – строению, *старая песочница*, видимо, также характеризует дряхлость через отсылку к выражению *песок сыплется*. У современного носителя языка при восприятии этого выражения создается образ настолько старого человека, что у него крошатся кости, кожа истончается и т.п., и употребляется оно как укор тем, кто пытается делать то, что делают молодые люди: «Да из тебя уже песок сыпется, а ты туда же». Правда, нужно отметить, что в приведенном ряду есть слова, (*старинушка*, *старчище*), которые, скорее, можно отнести к выражениям ласкательным или уважительным: «Собирается сильный могучий старчище Иванище идти в святой город Ерусалим»(уст.)/ Вышел, пропузьясь, почтеннейший старчище – у А.Белого в «Московском чуде» это слово употреблено в ироническом смысле, однако определение «почтеннейший» напоминает о бывшей уважительной коннотации этого слова. Интересно, что слово *старинушка* дается в словаре Ефремовой и как ласкательное к слову *старина*, и как уничижительное одновременно. *Старинушки*, *старина* используются преимущественно в обращениях, причем последнее может употребляться в обращении, не соотносясь с возрастом адресата: «Живее, приятель, давай старина, из старых запасов достанем вина» (о встрече старых

⁶URL:<https://golos.ua/i/157152>

друзей, поклонников рок-н-ролла). Нужно сказать, что в 60-е годы после вхождения в советскую литературу переводов повести Хемингуэя «Старик и море» в ходу стало популярным обращение старик: «Мы так долго друг друга шутливо называли «старик», что не заметили, как юмор этого обращения испарился. Теперь уж впору, шутки ради, называть друг друга «юнец» (Аксенов). Тем не менее современный носитель языка далеко не всегда осознает прагматику этого употребления - приведем ответ молодой девушки на вопрос, имеет ли обращение *старик* возрастные ограничения: *Нет. Обращение старик применяется не к людям определенного возраста, а к людям у которых определенный внешний вид: Седая борода и много морщин. Такой внешний вид имеют, как правило, старые люди, поэтому само собой понятно, что применять к молодым его нельзя<...> обращение старик основано не на возрасте, а на внешнем виде человека, к которому обращаются.*

Сравнение синонимических рядов с доминантами *старуха/ старик* наводит на мысль о том, что уже в языке заложено гендерное неравноправие: если слово *старик* может иметь коннотацию уважения или близости, то вряд ли такой коннотацией обладает слово *старуха*. На наш взгляд, сам суффикс *-ух-* вызывает определенные ассоциации – этот суффикс практически не входит в одушевленные существительные, называющие человек по позитивному признаку: *потаскуха, свекруха, шлюха, толстуха* и т.д. Интересен анализ автодокументальной мемуаристики русских дворянок XIX в.: «в женской автодокументальной традиции «старость» не оставалась незамеченной, становясь элементом личностной характеристики индивидов как женского, так и мужского пола. Даже у мемуаристок, представительниц придворного круга, в описании постоянно фигурируют «старрики», «общество, состоящее из большей частью стариков», «старые придворные», «старый камергер», «старые дамы», «старая графиня», «старый граф», «старая женщина», «старуха», «старая свекровь». При этом если применительно к мужчинам термины «старости» в ряде случаев могли иметь положительную, уважительную окраску («почтенный старик», «почтенный и уважаемый старик», «старик веселый и заслуживающий уважения»), то в отношении женщин они почти всегда носили уничижительный характер («старая баба», «старая кокетка», «упрямая старуха») [Белова 2009: URL:http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml]. То же явление имеет место в современных текстах Сети. Так, в мини-рассказе, претендующем на подлинность описываемой ситуации, рассказчик повествует о страшном сне, в котором ему привиделась злая «лет 70-ти, старуха – дряхлая, вся сморщенная». По словам автора рассказа, после этого сна он не может жить один.⁷ Отметим, что старуха во сне не сделала ничего дурного, но тем не менее характеризуется эпитетом «злая». «Злые старухи» являются постоянными персонажами страшных историй как в русских сказках, так и на полях Сети: они не говорят, а «злобно шипят», ворчат, вызывают ненависть одним своим внешним видом в

⁷ Про старух. URL:<https://4stor.ru/hihstori-for-life/49434-zlaya-staruha.html>

отличие от старичков. «Старички милые и добрые. Но зато эти седые ведьмы-это нечто!!!»⁸

Возможно, следует считать свободным от негативных коннотаций слово *старушка* – суффикс *ушка* является уменьшительно-ласкательным. Однако многочисленные контексты употребления этого слова вызывают представление о его денотате как о слабом, бессильном, достойном жалости существе. Стихотворение М. Светлова «Старушка» явно демонстрирует чувство жалости, испытываемое к обозначаемым этим словом лицам: «Товарищ! Певец наступлений и пушек, // Ваятель красный человеческих статуй, // Прости меня! - я жалею старушек, // Но это - единственный мой недостаток».

Нельзя не отметить, что большинство слов, именующих лиц старшего возраста, включают звуки *х р, ч*, нередко сочетающиеся друг с другом (*к*), сами по себе придающие слову негативную эстетическую окраску или выражающие некоторое агрессивное состояние говорящих. Так, для слова *грымза* компьютер (по методике Журавлева) выдал характеристику «грубый», а для слова *карга* – «грубый, страшный, угловатый», *хрыч* - «плохой, грубый, отталкивающий, злой». Слова с сочетанием звуков *хр* (*храп, хрип*) были охарактеризованы как «плохой, грубый, шероховатый». (Журавлев 1991:61). Таким образом, в самом языке, звуковой оболочке слов, именующих старого человека, заключено неприязненное отношение к старости.

Подытоживая обозначение лиц почтенного возраста на уровне языковых единиц, можно сказать, что сам язык фиксирует как неприязненное отношение к пожилым людям, так и несколько более благожелательное отношение к лицам мужского пола. На основании анализа приведенных слов можно сделать заключение и о том, какие черты мотивируют имена лиц и тем самым последние создают определенную часть фрейма «старость». Старые женщины характеризуются прежде всего по своей некрасивости и слабости: *божий одуванчик, развалина, руина, старая вешалка, яга, пескоструйщица, клюшка, старая кочерга* (видимо, из-за сутулости – изогнутости). *Шаваняйка* не определяется словарем, но внутренняя форма слова побуждает думать о плохом запахе, издаваемом старой женщиной. Ворчливость, придирчивость, видимо, выражается словами *грымза, старая перечница*. Другие слова из синонимического ряда «старая женщина» или совмещают в своем значении денотативные характеристики некрасивости и ворчливости или без отношения к денотативной мотивации значения выражают просто отрицательное отношение к старым женщинам: то есть быть старой женщиной – это плохо. В целом можно говорить о том, что фрейм «старость» включает такие составляющие, как ворчливость, злобность, слабость, беспомощность, а следовательно – невозможность претендовать на то, что свойственно молодым людям. Эта неприязнь к старости, заложенная в самом языке, ярко иллюстрируется в русских

⁸ URL:<http://www.lovehate.ru/opinions/18279>

текстах:

«А то выйдет какая-нибудь старая карга и начнет голосить про родителей и милицию» [Алексей Моторов]. / «Чего от меня хочет этот старый хрыч или хрычовка? [Виктор Пелевин]./

«Вопреки ожиданиям Семипятницкого старый хрыч совсем не обиделся [Г. Садулаев]. / «Все зависит оттого, что скажут старые гримзы, просиживающие целыми днями на скамейке у подъезда» [А.Кускова]. В приведенных высказываниях нет мотива называния персонажей именами с отрицательными коннотациями – использование таких имен вызвано уже существующей в сознании неприязнью к пожилым людям, а не реально проявляющимися в ситуации негативными чертами их характера.

Откуда берется эта неприязнь, характерная в целом для большинства современных культур, парадокс которых заключается в том, что в стареющем, в силу увеличения продолжительности жизни, обществе сама старость вызывает такое отторжение? [Альперович 1998:34]. Да, в примитивных сообществах на заре цивилизации немощные старики воспринимались как бремя и подлежали насильственному умерщвлению.⁹ Значит ли это, что современное общество, особенно в России, если судить по языку и ассоциациям, связанным со старостью, сохраняет это архетипическое отношение к старикам? Безусловно, характер пожилых людей не всегда способствует приятному общению с ними: «Пожилые считаются скучными, чересчур разговорчивыми, ворчливыми, морализаторами, эгоистами, озабоченными только собой» [Ильин: URL: <http://iknigi.net/avtor-evgeniy-ilin/53956-psihologiya-vzroslosti-evgeniy-ilin/read/page-32.html>]. Тем не менее является ли сказанное причиной не просто неприязни, а ненависти к старости и самому процессу старения? И здесь мы подходим к способам говорения о старости и старении, для которых характерен зачин «Я ненавижу...». Приведем существующие в русском сегменте Интернета блоги «**Я ненавижу старых людей**»: *Ненавижу их старое разлагающееся тело, болтающаяся сморщенная кожа, вонючее дыхание, вечный запах гнили, яркие тряпки и косметика, кудри до небес либо какие-то лохмотья и запущенная внешность... Вечно норовят учить других и говорят устаревшими прописными истинами. Маразм - самое страшное, что может прийти в одном флаконе с разложением. Старые - они жадные, тащат всякое говно в дом. Они такие странные... вечно ворчат, ругаются, тупят, не втыкают ни во что, лезут в политику, все путают, никого не любят... В 49 лет я покончу жизнь самоубийством./ Люди, можете закидать меня камнями, ей богу не заплачу. Ненавижу этих высохших старых мумий. Они злобные, ненавидящие всех вокруг монстры. Их нужно просто истреблять как зомби, выстрелом в голову.*¹⁰

Обратим внимание, что автор приведенного выше поста 49 лет считает пограничным возрастом, после которого жить не стоит. И здесь от вопроса о внутреннем эйджизме, заключающемся в обидных наименованиях,

⁹ URL: <https://funeralportal.ru/library/1061/44945.html>

¹⁰ URL: <https://moonaball.livejournal.com/92842.html>

присваиваемых пожилым членам общества взирающими на них свысока «потомками», следует перейти к понятию «геронтофобии», которая проявляется в двух формах: боязнь стариков и боязнь состариться самому. Геронтофобия рассматривается как социально-психологическое явление, вызванное бессознательным стремлением уйти от фундаментального для человека вопроса о конечности собственного существования [Алишаев 2007: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/starost-i-sovremennost>]. В ряде работ геронтофобия считается расстройством психики, способным иметь тяжелые формы.¹¹ Выше мы приводили текст, автор которого говорил о том, что в 49 лет(!) покончит с собой, поскольку не желает становиться похожим на тех, у кого «сморщенное тело» и «болтающаяся кожа», кто «ворчит, ругаются, тупит, не втыкает ни во что, лезет в политику». Таким образом, способности к полноценной жизни, по мнению автора этого текста, лишены люди после 50-ти. Вот еще весьма знаменательный пассаж: *Мне 33 уже и я НЕНАВИЖУ молодых!*

*Это меня ужаснуло и испугало.
Но я их ненавижу и завидую черной завистью!
Я помню как было раньше, когда 21-25 ... Когда мои капризы обожали.
Мои капризы сейчас - в ответ "Что ты себя ведешь как маленькая, чай не девочка, четвертый десяток разменяла".
Сегодня сказали, что кокетство у женщины за тридцать это жалкое зрелище.*

Умные мужики сказали (<https://forum.cofe.ru/forum.php>). 33-летняя женщина считает себя «старой» страдает ненавистью – что это? Несчастливая судьба одинокой женщины? Инфантильное желание оставаться вечной девочкой в силу наступающей женской не востребоваемости? Весьма понятные желания, особенно в эпоху культа молодости, создаваемого современной индустрией красоты. Интересно, что в современных текстах молодых журналистов достаточно часто встречается слово *престарелая* (словарные толкования: доживший(ая) до глубокой старости): *престарелая жена Макрона надела шорты* (65 лет), *престарелая жена Гогена Солнцева* (63 г.), *престарелая певица* (об А.Пугачевой) (69 лет). Биологический возраст старости определен Европейским региональным бюро как жизненный отрезок между 75-ю и 90-а годами. Ни одна из женщин, охарактеризованных этим прилагательным в текстах и заголовках, не может быть включена в число «престарелых». Употребление этого прилагательного представляется средством унижения женщин, посягнувших на молодых мужчин, средством, продиктованным все тем же чувством, о котором так много говорилось в приводимых выше текстах. И здесь геронтофобия уже пересекается с сексизмом.

Нужно сказать, что ненависть (именно ненависть!) характерна не только для русского дискурса: *is it normal that i really hate old people. i don't think that they are sweet or cute or anything i just hate them.i feel like they are all jerks that think they deserve more respects just because they have been alive longer. I think they all smell and are lazy. I know somethings they can't do on their own but alot of times they just*

¹¹ URL:<http://depressio.ru/fobii/589-gerontofobiya.html>

*don't want to do annoying things so they make young people do it for them, stuff they are clearly capable of. Just because your old doesn't mean you can't even use your brain anymore. Help me i hate them!*¹². Английский говорящий также ненавидит стариков за исходящий от них запах, за «ленность» и потребность в уважении. В немецком сегменте интернета мы также найдем множество высказываний, которые могли бы быть объединены хэштегом «Я ненавижу старых людей» (Ich hasse alte Menschen): *Wir müssen ihr Gelaber und mehr noch ihr Gejammer auf dem Wochenmarkt, in Talkshows und sogar im Dschungelcamp ertragen.*

Ich möchte beichten, dass ich alle alten Menschen hasse (45). Ich finde es schlimm alt und faltig zu sein. Das Leben macht doch kaum mehr Sinn, wenn man nur noch gesundheitliche Probleme hat und von einer Midlife-Crisis befallen wird. Noch schlimmer finde ich Rentner. Es werden nämlich immer mehr. Alles wird altengerecht, um die jungen kümmert sich keiner mehr. Die Rentenbeiträge werden immer teurer und die Rentner hauen unser hart verdientes Geld auf den Putz bei Kaffeefahrten für Heizdecken oder Diätpillen, die sie krank machen

Здесь говорящий обвиняют людей старше 65-лет в том, что они господствуют в политике, СМИ и повседневной жизни. Нарекания вызывает непереносимость стариками детского шума, их болтливость, нытье, стремление развлекаться в тех же местах, что и молодежь, поведение на дороге и т.д. Можно сказать, что мы присутствуем при «бунте молодого поколения», когда «новые пришельцы», уже не нуждаясь в опыте прошлых поколений в силу молниеносно происходящих изменений в способах освоения действительности, стремятся как можно скорее освободиться от «старожилов». Это отношение усиливается общей атмосферой ненависти, которой дышит современное общество. Трудно представить, но на разных языках существуют сайты, подобные русскому «Выплесни свою ненависть на страницы нашего сайта ya-nenavizhu.ru» [URL: <https://ya-nenavizhu.ru/vyplesni-svoyu-nenavist/>]. И, глядя на содержание этого сайта, понимаешь, что ненависть – чувство, охватившее современное общество в целом. Молодежь также становится объектом этого чувства со стороны людей старшего возраста: Рунет пестрит заголовками, подобными заголовку «Почему я ненавижу молодежь?»¹³ *Я в шоке от нынешней молодежи. даже не в шоке, я в бешенстве!!! Я честно вам скажу, вчера я поняла, что просто ненавижу нынешнюю молодежь*¹⁴.

Чувство ненависти к молодым имеет своими причинами невежливость, пристрастие к «крутым» вещам, «воинствующую тупость, невежество, хамство, самовлюбленность».¹⁵ Разумеется, здесь нет призывов уничтожить «всю молодежь», как это встречается в письмах молодых пользователей интернета, но тем не менее экспрессивность характеристик весьма интенсивна, и неприятие иногда переходит в прямое действие: в одном из постов, выложенных в Сети автор рассказывает, как над девушкой с фиолетовыми волосами, вошедшей в вагон метро, стали потешаться дамы 40+ и даже «резко трогать ее за волосы».

¹² URL:<https://www.isitnormal.com/post/is-it-normal-that-i-hate-old-people-55976>)

¹³ URL:<http://www.aif.ru/archive/1709420/>

¹⁴ URL:<https://www.babyblog.ru/community/post/psy/1695721>»

¹⁵ URL:<http://www.lovehate.ru/Modern-Youth>

Добавлено примечание ([U1]): Мы должны терпеть ее болтовню и, тем более, ее нытье на еженедельном рынке, в ток-шоу и даже в лагере джунглей.

Хочу признаться, что ненавижу всех стариков (45). Я считаю, что это плохо быть старым и морщинистым. Жизнь вряд ли имеет смысл, если у вас есть только проблемы со здоровьем и вы заражены кризисом среднего возраста. Еще хуже я считаю пенсионеров. Их становится все больше и больше. Все становится по-старому, о молодых уже никто не заботится. Пенсионные взносы становятся все дороже, и пенсионеры тратят наши с трудом заработанные деньги на штукатурку во время поездок на кофе для электрических одеял или таблеток для похудения, которые делают их большими

Думается, такая непримиримость к облику молодежи и ряду ее убеждений в большей мере характерна для российских поведенческих схем – в немецком и английском сегментах интернета подобные высказывания автор не отметил. Очевидно, это связано с большей консервативностью российского общества, большей категоричностью и любовью к моральным суждениям, отмеченной в свое время А. Вежбицкой. Можно увидеть некую симметрию качеств, которые становятся каузаторами ненависти: старики требуют уважения – молодые не желают оказывать его знаки, в некоторых случаях старшие видят в младших тунеядцев, роскошествующих за счет родителей – молодые видят в стариках ленность и не желают тратить свои средства на их содержание (пенсии). «Старики ненавидят молодых, за то, что молодые ненавидят стариков и наоборот» - сказал один из пользователей интернета.¹⁶ Однако ненависть вторых выражается сильнее ненависти первых: *ненавижу пожилых женщин, т. е. бабок!!!! Они меня бесят, почти все, за малым исключением!!!! Такие наглые, хамовитые, страшные, обрюзгшие неухоженные, вонючие, вечно всем недовольные, ворчащие, всех проклинающие, глупые, тупые, глуховатые и слеповатые, ну а в целом - просто омерзительные!!!!!!*¹⁷

Во всех приводимых текстах есть ключевое слово, неадекватное, по меркам вчерашнего дня, переживаемой ситуации - НЕНАВИЖУ. А по меркам сегодняшнего дня, когда в русский язык вошло слово *хейтер/ хейтерство* (от англ. *hate* – ненависть)? Встает вопрос о причинах интенсивности переживаемого чувства. И здесь, видимо, геронтофобия – частная проблема атмосферы ненависти, в которой пребывает современное общество (Я ненавижу всех/ я ненавижу все/ я ненавижу родителей – такими и подобными заголовками пестрит Сеть) и о которой говорят многочисленные трагические события уже за пределами дискурса. Ранее принято было обсуждать язык ненависти, сегодня можно говорить о жанрах выражения ненависти, обладающих своей композицией, стилистикой и содержанием. Очевидно, выражение геронтофобии – один из оформляющихся в сети таких жанров.

¹⁶ URL:<https://otvet-otvet.ru>

¹⁷ URL:<http://www.hateit.ru/nenavizhu-babok-nenavizhu-pozh>

Список литературы

Алишаев С.А. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону. 1998. 104 с.

Белова А. В. «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII - середина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. URL: http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml (дата обращения: 09.12.2018).

Блинова И.С. "Концепт "старость" в русской и немецкой лингвокультурах Волгоград, 2009 URL: <http://cheloveknauka.com/kontsept-starost-v-russkoy-i-nemetskoj-lingvokulturah> (дата обращения: 07.12.2018).

Демидов В.П. Старость как социально-философский феномен. Автореф. канд. дисс. 2005, Нижний Новгород. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002932923> (дата обращения 03.01.2019)

Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: просвещение, 1991. 173 с.

Ильин Е.П. Психология взрослости. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-vzroslosti-e.-p.-ilin> (дата обращения 04/12/2018)

Краснова О. В. «Мы» и «Они»: Эйджизм и самосознание пожилых людей // Психология зрелости и старения. 2000. № 3. С. 18 — 36.

Козлов А. А. Старость: социальная разобщенность или целостность? (Теории и традиции западной социальной геронтологии) // Мир психологии. 1999. № 2. с. 80-96.

Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб.: Прайм – Еврознак, 2003. 384 с.

Розозин Дм. Люди старшего возраста незаметно получили ярлыки людей обделенных, тех, о ком нужно заботиться (интервью). 2014 URL: <https://postnauka.ru/talks/32753> (дата обращения 24.12.2018)

Старикова М.М. Стереотипы старости и старения // Вестник Нижегородского университета Им.Лобачевского. Серия социальные науки 2011 №2 с.43-50

Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS 2013 URL: <http://slovariki.blogspot.com/2015/08/2013.html> (дата обращения 23.12.2018)

Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира. Омск, 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/obraz-pozhilogo-cheloveka-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira#ixzz5cgy8yMeV> http (дата обращения 04.01.2019)

Butler Robert N. Age-Ism: Another Form of Bigotry. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c31c/60684ed6a62e5142700842f4adc34435189c.pdf> (дата обращения 23.12.2018)

Cumming E., Henry W. (1961) Growing old: the process of disengagement. //N. Y., Basic Books. 1999. № 2. С. 80-96.

References

Alishaev S.A. Starost'. Social'no-filosofskij analiz. Rostov-na-Donu. 1998.104 s.

Belova A. V. «Snova prinimaesh' vid staruhi»: vosprijatie starosti russkimi dvorjankami (XVIII - sredina XIX v.) // Novyj istoricheskij vestnik. 2009. # 21. URL:http://www.nivestnik.ru/2009_3/06_belova_6.shtml (data obrashhenija: 09.12.2018).

Blinova I.S. "Koncept "starost'" v russkoj i nemeckoj lingvokul'turah Volgograd, 2009 URL: <http://cheloveknauka.com/kontsept-starost-v-russkoy-i-nemetskoj-lingvokul'turah> (data obrashhenija: 07.12.2018).

Demidov V.P. Starost' kak social'no-filosofskij fenomen. Avtoref.kand.diss. 2005, Nizhnij Novgorod.URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002932923> (data obrashhenija 03.01.2019)

Zhuravlev A.P. Zvuk i smysl. M:prosveshhenie, 1991.173 s.

Il'in E.P. Psihologija vzroslosti. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-vzroslosti-e.-p.-ilin> (data obrashhenija 04/12/2018)

Krasnova O. V. «My» i «Oni»: Jejdzhizm i samosoznanie pozhilyh ljudej//Psihologija zrelosti i starenija. 2000. # 3. S. 18 — 36.

Kozlov A. A. Starost': social'naja razobshhennost' ili celostnost'? (Teorii i tradicii zapadnoj social'noj gerontologii) // Mir psihologii. 1999. # 2. s. 80-96.

Nel'son T. Psihologija predubezhdenij. Sekrety shablonov myshlenija, vosprijatija i povedenija. – SPb.: Prajm – Evroznak, 2003. 384 c.

Rogozin Dm. Ljudi starshego vozrasta nezametno poluchili jarlyki ljudej obdelennyh, teh, o kom nuzhno zabotit'sja (interv'ju). 2014 URL: <https://postnauka.ru/talks/32753> (data obrashhenija 24.12.2018)

Starikova M.M. Stereotipy starosti i starenija // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta Im.Lobachevskogo. Serija social'nye nauki 2011 #2 s.43-50

Trishin V.N. Slovar' sinonimov ASIS 2013 URL: <http://slovariki.blogspot.com/2015/08/2013.html> (data obrashhenija 23.12.2018)

Salim'janova I.V. Obraz pozhilogo cheloveka v ruskoj jazykovoj kartine mira. Omsk, 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/obraz-pozhilogo-cheloveka-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira#ixzz5cgy8yMeV> http (data obrashhenija 04.01.2019)

Butler Robert N. Age-Ism: Another Form of Bigotry. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c31c/60684ed6a62e5142700842f4adc34435189c.pdf> (data obrashhenija 23.12.2018)

Summing E., Henry W. (1961) Growing old: the process of disengagement. //N. Y., Basic Books. 1999. # 2. S. 80-96.
